

**ВЛИЯНИЕ ПРАВОСЛАВИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ РУССКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА: ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ**

**THE INFLUENCE OF ORTHODOXY ON THE FORMATION OF THE RUSSIAN NATIONAL
MENTALITY: CONTROVERSIAL ASPECTS**

Титова О.Ю., кандидат исторических наук,
преподаватель

ФГБОУ ВО «Воронежский государствен-
ный лесотехнический университет им.
Г.Ф. Морозова», Воронеж, Россия

Titova O.Yu., Candidate of Historical Sciences,
teacher

Voronezh State University of Forestry and
Technologies named after G.F. Morozov,
Voronezh, Russia

Аннотация: в работе исследуется роль православия в этнокультурном становлении русского народа и формировании его национальной идентичности посредством двух концептуальных парадигм: критической, связывающей православие с экономической стагнацией и культурной изоляцией, и апологетической, трактующей его как органичный компонент восточнославянской ментальности. На основе анализа позиций ведущих исследователей обосновывается тезис о православии как аксиологическом каркасе русской цивилизационной идентичности. При этом подчёркивается сохраняющаяся дискуссионность вопроса о степени влияния религиозных факторов на социокультурную динамику.

Abstract: The paper examines the role of Orthodoxy in the ethnocultural formation of the Russian people and the formation of national identity through two conceptual paradigms: critical, linking Orthodoxy with economic stagnation and cultural isolation, and apologetic, interpreting it as an organic component of the East Slavic mentality. Based on the analysis of the positions of leading researchers, the thesis about Orthodoxy as the axiological framework of Russian civilizational identity is substantiated. At the same time, it is emphasized that the issue of the degree of influence of religious factors on socio-cultural dynamics remains controversial.

Ключевые слова: русский национальный характер, православие, национальный менталитет, двоеверие, цивилизационная идентичность.

Keywords: russian national character, orthodoxy, national mentality, dual faith, civilizational identity.

Процесс этнокультурного формирования русского народа, как и большинства европейских сообществ, представляет собой сложный, многокомпонентный феномен, в котором религиозный фактор традиционно занимает ключевое место. При этом христианизация Руси выступает не просто хронологической вехой, а фундаментальным цивилизационным выбором, определившим вектор социокультурного развития на столетия вперёд. Однако в современной научной дискуссии сохраняется значительная

методологическая неоднородность при оценке степени влияния православия на становление русского национального самосознания.

В рамках академического дискурса сформировались полярные исследовательские парадигмы, предлагающие кардинально различающиеся интерпретации роли православия в социокультурной эволюции русского этноса. Данная поляризация мнений отражает не только разнообразие методологических подходов, но и сложность самого предмета исследования, где переплетаются религиозные доктрины, политические интересы, культурные традиции, социально-экономические процессы. Критическая парадигма постулирует, что православие стало ключевым фактором, обусловившим экономическую стагнацию, культурную изоляцию и отклонение от общецивилизационного вектора развития. Аргументационная база данной позиции опирается на тезис о принятии Русью христианства из рук дряхлой Византии, где риторика и боголепие заслоняли мысль [4, с. 350]. Подобный взгляд на православную веру сложился ещё во времена раскола русской интеллигенции на два лагеря: западников и славянофилов. Западники, начиная с Чаадаева, доказывали несостоятельность православия, считая, что именно оно предопределило обособленный, замкнутый вектор развития России. Противоположную позицию занимали славянофилы.

Согласно же апологетической парадигме, православие органично коррелировало с эмоционально художественным строем восточнославянского менталитета, а также с геокультурными особенностями Древней Руси и этнопсихологическими характеристиками представителей славянских племён. Исследователи подчёркивают, что греческая вера резонировала с присущими славянам эстетической восприимчивостью, созерцательностью и мягкостью нрава. При этом отмечается дивергенция между византийским (рационалистическим) и русским (эмоционально сердечным) вариантами православия, что свидетельствует об адаптации христианства к локальному социокультурному контексту [7, с. 389].

В рамках исследований русской религиозности концептуализируется «феномен двоеверия», выраженный в синкретизме трёх компонентов: византийского христианства; славянского язычества; этнопсихологических черт славянской ментальности. Эмпирические наблюдения фиксируют параллельное сосуществование христианских практик (почитание Бога, церковных таинств) и языческих верований (анимизм, магия, культ природных духов). Данный синтез, по интерпретации В. К. Трофимова, формирует дуализм «дневной» и «ночной» культур, что обуславливает парадоксальность русского мировосприятия [6, с. 80]. Такая парадоксальность не может быть однозначно квалифицирована как позитивная или негативная. Она лишь выступает своеобразным зеркалом, отражающим специфические черты русского мировоззренческого комплекса. При этом, хотя в структуре данного мировосприятия прослеживаются архаичные языческие элементы, доминирующую позицию в нем занимают духовно-нравственные установки, укоренённые в христианской традиции.

А. И. Алексеев и А. С. Лавров подчёркивают генетическую связь православия с эллинистической традицией, породившей две ветви христианства. Ключевое различие заключается в модели взаимодействия церкви и государства: если на Западе это автономия церковной институции; то в Византии – подчинение церкви государственной власти, и, как следствие, сакрализация последней [5, с. 117].

Исторический вакуум, образовавшийся после крушения Византийской империи, был заполнен концепцией «Москва – третий Рим», ставшей мировоззренческой опорой русского мессианизма. В её рамках Россия осмыслялась как последний оплот православной традиции. Значимость этой доктрины для формирования национальной идеологии трудно переоценить, поскольку в её основу ложилась «самая крепкая и устойчивая платформа в условиях мифологического сознания, а именно религиозная» [2, с. 208]. Это предопределило становление характерной черты российского менталитета – осознания эсхатологической ответственности за сохранение христианской ортодоксии.

В эпоху советской власти наблюдался системный демонтаж религиозных институтов, что, по оценке А. Н. Курдюмова, привело к эрозии религиозного сознания, институционализации атеизма и кризису межпоколенческой трансмиссии ценностей поскольку светская модель власти не соответствовала архетипическим основаниям русского менталитета, укорененным в православных постулатах. По этой причине власть не должна вмешиваться в дела церкви в России, где православие – единственная отдушина в нелёгкой жизни народа. Исследователь настаивает на необходимости функционального разделения церкви и государства, при котором церковь сохраняет нравственный суверенитет [3, с. 339].

Ряд выдающихся исследователей – И.А. Ильин, Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский, А.В. Смирнов, В.К. Трофимов – приходят к выводу, что православие способно выступить в качестве наиболее адекватной идеологической основы для российского государства, аргументируя это уникальностью русской религиозности, отличающей Россию от западной цивилизации, духовной доминантой православия в противовес материалистической ориентации католичества, этическими императивами (милосердие, бескорыстие, соборность), сформированными православной традицией.

В современной отечественной науке активно исследуется взаимосвязь православия с формированием русского национального характера. Значительный вклад в осмысление этой проблематики вносят как светские учёные, так и представители православного духовенства. При этом в их работах нередко прослеживается тенденция к акцентированию исключительной роли христианства в духовно-нравственном развитии российского общества.

В статье «Русское христианство» известный российский исследователь А. В. Карташов выдвигает тезис об особой значимости русского православия. По его мнению, оно не просто представляет собой наиболее адекватную форму религиозного мировоззрения, но и обладает несомненным нравственным превосходством в сравнении с иными конфессиями. Так, в отличие от западного христианства, русское православие (как и восточное христианство в целом) не вовлечено в напряжённый теологический дискурс о соотношении свободы и благодати. Этот вопрос, столь актуальный для западной мысли, в восточнохристианской традиции воспринимается как искусственный и даже противоречащий духу христианства. Для русского религиозного сознания данная проблема изначально решается на уровне интуитивного понимания – как нечто самоочевидное, что говорит о его уникальной духовной глубине и нравственной состоятельности.

Рассматривая влияние православия на национальный менталитет, Карташов особо подчёркивает его созидательную роль в формировании ключевых черт русского характера. По его убеждению, такие качества, как отзывчивость, доброта, бескорыстие и милосердие,

получили своё развитие именно благодаря глубинной связи с ценностными установками православной традиции [1, с. 369].

Таким образом, в отечественной научной традиции устойчиво закрепились позиция, согласно которой православие выступило ключевым фактором этнокультурного самоопределения русского народа. Его влияние простирается далеко за пределы собственно религиозной сферы, формируя уникальный тип религиозности, ставший неотъемлемой чертой русского национального характера, ценностный каркас российской цивилизационной идентичности, потенциальную идеологическую основу для консолидации общества в условиях внешних и внутренних вызовов.

При этом анализ роли православия в становлении российской цивилизации требует учёта многоуровневости его воздействия, включающего, как минимум:

- *мировоззренческий уровень*: православие сформировало специфическую систему ценностей, где приоритет отдавался духовно-нравственным ориентирам над материальными, коллективистским установкам над индивидуализмом, идее служения (Отечеству, общине, вере) как высшей жизненной цели;

- *культурно-символический уровень*: через церковные обряды, иконопись, храмовую архитектуру и богослужebные тексты православие создало устойчивые культурные коды, воспроизводимые на протяжении столетий. Эти коды обеспечивали преемственность традиций, формировали общие смысловые ориентиры для разных социальных групп, способствовали консолидации многоэтничного населения;

- *социально-политический уровень*: церковь выступала институтом, легитимировавшим государственную власть и одновременно выполнявшим функции социального регулятора, заключающиеся в формировании представлений о «правильном» устройстве общества, в поддержании единства территорий через единую религиозную практику, формировании представлений о «правильном» устройстве общества, смягчении социальных противоречий через проповедь милосердия и взаимопомощи.

Однако несмотря на признание значимости православия, в академической среде сохраняется поле для научных дискуссий относительно степени влияния религиозных факторов на социокультурную динамику и возможности их инструментализации в общественно-политическом дискурсе.

Таким образом, православие предстаёт как сложный, нелинейный феномен, чья роль в российской цивилизации не поддаётся унификации, а требует учёта исторического, культурного и социального контекста; не является статичной, поскольку эволюционирует под влиянием внутренних и внешних факторов; не исчерпывается религиозным измерением, так как проникает в сферы права, искусства, образования, политики.

В свете вышесказанного перспективы дальнейших исследований видятся в синтезе макро- и микроисторических подходов; сравнительном анализе с другими конфессиональными традициями; разработке методологических инструментов для изучения гибридных форм религиозности в условиях современного общества.

Это позволит не только глубже осмыслить историческое значение православия, но и прогнозировать его роль в формировании российской идентичности в XXI веке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карташов А. В. Русское христианство // Православие: pro et contra. – СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 2001. – 829 с.
2. Квасов О. Н. Парадигма российской цивилизации // Духовно-нравственное образование и патриотическое воспитание: традиции и перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Воронеж, 20 апреля 2023 г. / отв. ред. О. Н. Квасов; М-во науки и высшего образования РФ, ФГБОУ ВО «ВГЛУ». – Воронеж, 2023. С. 207–212.
3. Курдюмов М. Православие и большевизм // Православие: pro et contra – СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 2001. – 829 с.
4. Левицкий С. А. Очерки по истории русской философии. – М.: Канон, 1996. – 496 с.
5. Русская религиозность: проблемы изучения. Сборник материалов Международной научной конференции, посвящённой проблемам изучения русской религиозности. Сост. А. И. Алексеев, А. С. Лавров. – Санкт-Петербург: Журнал «Нева», 2000. – 271 с.
6. Трофимов В. К. Генезис и сущность русского национального менталитета. – Ижевск: Б.И., 2000. – 355 с.
7. Шмеман А. Исторический путь православия. – М.: Паломник 1993. – 389 с.

REFERENCES

1. Kartashov A. V. Russian Christianity // Orthodoxy: pro et contra. – St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute, 2001. – 829 p.
2. Kvasov O. N. The Paradigm of Russian Civilization // Spiritual and Moral Education and Patriotic Upbringing: Traditions and Prospects: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Voronezh, April 20, 2023 / edited by O. N. Kvasov; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Voronezh State Forestry University. – Voronezh, 2023. – Pp. 207-212.
3. Kurdyumov M. Orthodoxy and Bolshevism // Orthodoxy: pro et contra. – St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute, 2001. – 829 p.
4. Levitsky S. A. Essays on the history of Russian philosophy. – M.: Canon, 1996. – 496 p.
5. Russian religiosity: problems of study. Collection of materials of the International scientific Conference devoted to the problems of studying Russian religiosity. Comp. A. I. Alekseev, A. S. Lavrov. – St. Petersburg: Neva Magazine, 2000. – 271 p.
6. Trofimov V. K. The genesis and essence of the Russian national mentality. – Izhevsk: B.I., 2000. – 355 p.
7. Schmemman A. The Historical Path of Orthodoxy. – M.: Pilgrim 1993. – 389 p.